

СУДЬБЫ РУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Между Щёкотовом и Конопёлками

...И снова Конопёлки. Как и год назад, мы едем туда по приглашению жителей. Правда, прошлой осенью обращались они в редакцию с жалобой, насчёт дороги. А теперь повод был иной. Звонившая нам женщина не скрывала радостного волнения: «У нас тут хорошее дело затевается, приезжайте! И вот что, вы в понедельник приезжайте, девятого».

Девятого октября (в этом году день пришёлся на понедельник) – праздник апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Когда-то в этих краях он особо почитался, здешняя церковь называлась Богословской. Выстроили её в 1879 году; указом Священного Синода от 11 октября 1899 года был открыт причт.

В начале XX века священником в Богословской церкви служил Алексей Григорьевич Смирнов, 36 лет, выпускник духовной семинарии, «в служении с 1887 года, священником с 1889 года». Должность псаломщика исполнял Алексей Алексеевич Петропавловский, 20 лет. Возможно, он происходил из рода Петропавловских, известного некогда в Кашине: многие представители этого семейства служили в церкви Петра и Павла, от которой и получили свою фамилию.

В 1914 году, как явствует из Справочной книги по Тверской епархии, изданной И. Добровольским, служили священник Иоанн Предтеченский 29 лет, выпускник семинарии, «на службе 5 лет, в Богословском храме 3 года», и псаломщик Андрей Постников 39 лет, «на службе 13 лет, в Богословском храме 11 лет». И тоже обе фамилии кашинские, старинные. Прихожан в окрестных деревнях – Конопёлках, Щёкотове, Василёве, Королёве, Тру-

бине – тогда насчитывалось 1294 человека: 597 мужчин и 697 женщин.

Интересно, что место для церкви было выбрано не в населённом пункте, как обычно делалось, а между двумя деревнями, Щёкотовом и Конопёлками.

Там она донныне и стоит. Вернее, стоят руины – кирпичные стены с проёмами окон и прогнившей крышей.

Её-то, Богословскую церковь, и надумали восстанавливать местные жители. Обратились к благочинному Кашинского округа отцу Димитрию Кунченко, и он предложил им собраться 9 октября, отслужить молебен Иоанну Богослову и вместе подумать, что делать дальше.

Вот что означали слова «хорошее дело затевается». Как тут было не поехать!

Утро выдалось пасмурным и серым, хотя казалось светлее от берёз, яркими свечечками мелькавших по обеим сторонам дороги. Временами с деревьев ворохами срывались и сыпались листья, будто навстречу нам мела золотистая метель.

...От Кашина до Щёкотова асфальт, местами ровный, местами похожий на латаное-перелатанное полотно. Однако эти выбоины и ямы – пустяки по сравнению с тем, что началось, когда с большой дороги мы свернули на ту, что ведёт к Конопёлкам. Год назад жителям было обещано её отремонтировать, и работы начались, но пока что щёбёнкой засыпана лишь небольшая часть, а дальше, почти до самой деревни, сплошная глина. Наш УАЗик ныряет в глубоких колеях, и мелькает мысль: хорошо, что навстречу никто не едет. Впрочем, кому тут ехать. Дачники в основном уже разъехались, а местные – вот они,

идут пешим ходом, привычно выбирая, где посуше и почище...

Выйдя из машины, здороваемся с подошедшими мужчинами и женщинами, вместе идём к церкви. Она небольшая, приземистая, кубообразная, с дороги её не сразу заметишь за разросшимися деревьями, кустарником и густой высокой травой. Хотя само место приметное: вокруг храма по периметру стоят высокие ветвистые липы, их видно чуть ли не от самого Щёкотова.

Народ потихоньку собирается. Не только из Конопёлок пришли, но и из Щёкотова на машине подъехали. Ведутся негромкие разговоры. Рассказывают, добавляя друг друга:

– Мы все родились уже после того, как церковь закрыли, но от родителей, от старых людей слышали, как оно было раньше. Когда её построили, хотели и колокольню возвести, но что-то не получилось, и колокольню поставили рядом – вон на том месте, – показывают в сторону зарослей. – Поповский дом стоял рядом, а служители, причт то есть, жили отдельно.

– Наша родственница близкая в семье священника в услужении была, в няньках. И случился в Конопёлках пожар, двадцать домов выгорело, самая середина, и наш дом тоже. А у священника была баня, так он её этой нашей родственнице, няньке-то, отдал, чтоб семья было где голову приклонить. Во какой был человек! В этой бане я родился.

– Службы шли до 1928 – 1929 года. А когда служить запретили, в церкви сделали пекарню. Иконы частью вывезли куда-то, частью люди по домам унесли. Стены забелили, всё с них посрывали, посбивали. Но купола над церковью были до 1964 года, когда снова на религию гонения начались. Тогда их разломали, сделали крышу, да непутём, она стала протекать, а когда пекарня закрылась и здание забросили, то и вовсе вся прогнила.

– Рядом с храмом и кладбище было, погост. Деревья как раз вокруг него, по канаве посажены. Сажали их в тот год, когда службы начались.

– Тут и пруд есть. Из него воду брали, святить, потому его называют – Святой. А ещё прозвание – Берёзовый, там берёза стоит больно красивая, кудрявая.

Я иду к пруду. Он немаленький, чистый, по берегам растут берёзы, одна в самом деле кудрявая. Неподальку одноэтажный деревянный дом с большими широкими окнами. Потемневшие от ветров и дождей брёвна, ободранная дверь, сломанное крыльцо. Бывшее Ченское лесничество. «Лесничество у нас было хорошее. Очень хорошее!», – со значением скажут потом жители.

Остались ли какие-либо следы от кладбища, понять трудно, слишком всё заросло.

Тишина. Лишь ветер в верхушках деревьев шумит, листья шелестят, перепархивают с ветки на ветку юркие синички, да в релейниках время от времени раздаются переливчатые посвисты щеглов.

Подъехали из Кашина отец Димитрий и его помощники. Начинается молебен под от-

крытым небом, на поляне перед храмом. Возносятся к небу давно не звучавшие здесь слова:

– ...О святом храме сим... Господу помолимся...

– ... О веси сей, всяком храме, стране, и верою живущих в них Господу помолимся...

– ...О благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных и временех мирных Господу помолимся...

Люди стоят полукругом, молча крестятся, изредка коротко вздыхают. На лицах раздумье, удивление, печаль и усталость, и затаённая надежда. В большинстве своём они немолоды, и многое хорошее, что в их жизни было, ушло невозвратно. Был колхоз, было лесничество, был в Щёкотове клуб, была школа, даже пекарня эта, с непутём покрытой крышей, тоже была. И всё это было так по-житейски привычно, да вот только делось куда-то.

А ещё раньше был храм, и в нём шли службы, встречали Пасху и Рождество, венчали молодых, крестили детишек, отпевали усопших и несли на погост, под эти липы. И те, кого венчали, крестили, отпевали, были их отцы, матери, дедушки, бабушки, близкая и дальняя родня. Промелькнуло год за годом целое столетие, и теперешние жители этих мест стоят и внимают словам молебна под осенним серым небом, потому что в храме служить невозможно, там битый кирпич и грязь, старое сено и прогнившие балки...

После молебна, также молча, степенно и сосредоточенно встав друг за другом, приложились к иконе Иоанна Богослова и тут же все вместе принялись за работу. Выпиливали и вырубали кусты, выдирали сухие стебли борщевика, репейника, траву, стаскивали в кучу гнилые доски. Пришёл молодой мужчина, принёс триммер, принялся выкашивать площадку у входа в храм.

Часу не прошло, а пространство перед церковью изменилось. Сделалось светлее и просторнее, обозначилось крыльцо – вернее, то, что от

него осталось. И само церковное здание выглядело уже не так уныло и удручающе.

Заглянув в тёмный дверной проём, женщины заговорили сокращённо:

– Ох, а внутри-то сколько дел... – и тут же деловито, решительными голосами: – В следующий раз надо трактор с телегой подогнать, чтобы сразу грузить и вывозить.

В том, что следующий раз непременно будет, никто из работавших не сомневался.

– Самое главное – понять, зачем вам вообще нужна эта церковь, для чего вы её восстанавливаете, – произносит отец Димитрий. – Чтобы привести её в порядок, понадобятся и время, и силы, и средства. То, что вы так дружно откликнулись, трудитесь с таким старанием, – прекрасно. Но мало только расчистить территорию и убрать грязь и хлам. Каждому понадобится ещё и над самим собой потрудиться: задуматься о себе, о своей жизни, об отношении к людям, то есть изо дня в день возводить храм своей собственной души и наводить в нём чистоту, чтобы не было мусора и не разрастались сорняки – раздражительность, осуждение, зависть, тоска... Это очень нелёгкий труд. Но у вас теперь есть место, куда вы можете приходить – поработать вместе со всеми или побыть одному, может быть, помолиться, вспомнить своих родных, просто постоять и помолчать в тишине.

Люди вслушиваются в эти слова, и на лицах их всё то же раздумье и сосредоточенность.

...Вновь возникли разговоры про трактор, про то, что надо бы определиться с днём, когда опять удасться всем миром собраться и поработать. Хорошо бы, чтобы это был понедельник: тогда к ним смогут присоединиться горожане – слушатели Воскресной школы при Вознесенском соборе (а может, и ещё желающие найдутся).

На том и порешили и вновь пошли работать.

Им ведь ещё столько сделать нужно!

Е. МОРОЗОВА

